

*Л.Р. Усманова**

**Отношения Японской военной миссии
в Маньчжурии с национальными
меньшинствами российской эмиграции
(на примере тюрко-татарской общины)**

АННОТАЦИЯ: В статье приводятся факты переписки лидера тюрко-татарской эмиграции на Дальнем Востоке с Японской военной миссией в Маньчжурии, выступившего с инициативой о создании агентства российских эмигрантов нерусской национальности вне Бюро российских эмигрантов (БРЭМ). Переписка показывает усиление националистических настроений в эмиграции в 1930-е годы. Особое отношение со стороны Японской военной миссии в Маньчжурии к тюрко-татарской мусульманской эмиграции связано с особой ролью последней в проведении мусульманской политики (*kaikyo seisaku*) Японии в Юго-Восточной Азии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: российская эмиграция в Маньчжурии, национальные меньшинства, тюрко-татары, Японская военная миссия, Бюро российских эмигрантов.

С созданием государства Маньчжоу-Го в марте 1931 года японская империя столкнулась с проблемой взаимодействия с многонациональным коренным населением. В самом государстве, которое провозгласило своим девизом благополучие и расовую гармонию пяти народов и где официальными языками и языками общения были маньчжурский, монгольский, японский, а также русский, нужно было проводить политику ассимиляции и адаптации с учётом особенностей каждой этнической группы.

* Усманова Лариса Рафаэлевна, PhD (социология), доцент Учебно-научного центра «Философия Востока» философского факультета Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия; E-mail: ousmanoval@gmail.com

28 декабря 1934 года с целью укрепления материального и правового положения российских эмигрантов, а также установления связей с правительством по всем вопросам, касающимся эмигрантов и оказания содействия японской администрации в решении эмигрантских вопросов, было создано Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ). Понятно, что основными целями было объединение русской эмиграции для воздействия японской пропаганды и активизации разведывательной деятельности. С момента своего создания и до 1944 года БРЭМ финансировалось маньчжурским государством.

Российская эмиграция в Маньчжурии была неоднородной по социальному и национальному составу. Не все представители нерусских национальностей приветствовали создание БРЭМа. В частности, тюрко-татарская эмиграция в Маньчжурии выступила с протестом о создании данной организации и отказом от вступления в неё. В татарской эмигрантской прессе критиковался шовинизм русских и их попытки создать негативный имидж эмиграции в глазах японской и маньчжурской администраций¹. Лидеры национальной татарской эмиграции призывали максимально дистанцироваться от русских: «Мы до сих пор не можем ясно показать японцам роль тюрко-татар. Как результат, вся наша позитивная активность и национальные особенности воспринимаются ими как „русские“ — что мы только пьём, дерёмся и плохо воспитаны и образованы»². Один из лидеров международной тюрко-татарской эмиграции Гаяз Исхаки обозначает русских как внутренних врагов тюрко-татарского движения в письме, посланном в японский МИД от 17 марта 1934 года: «Тюрко-татарское движение независимости имело своих оппонентов, но до сегодняшнего дня оппоненты всегда являлись врагами. Это русские — Белые русские, разбросанные по всему миру, и Красные русские, доминирующие в СССР. Каждый русский является вечным врагом тюрко-татар» [8].

По мнению лидеров тюрко-татарской эмиграции на Дальнем Востоке, БРЭМ намеревалось объединить российских эмигрантов в маленькую «российскую империю»³. Лично Исхаки был против присоединения к БРЭМу. Он думал, что это снова «русская игра» в преимущество русских над другими национальностями и проявление

¹ *Yaņa Milli Yul.* 1936. № 2. В. 1–7. Yeraq Şäréqtä ruslar.

² *Yaņa Milli Yul.* 1934. № 2. В. 4–7. Gayaz Isxaqi. Yeraq Şäréq.

³ Около 86 тысяч регистрационных карточек хранится в архиве БРЭМа, в государственном архиве Хабаровского края. Вероятно, что это не весь архив эмигрантов.

русского шовинизма в эмиграции. Поэтому он был против прежней идентификации тюрко-татар как «российских мусульман», на которой настаивал другой лидер эмиграции, основатель Токийской общины и бывший имам башкирских полков генерала Семёнова, Курбангалиев. Идентификация «российский мусульманин» была присуща тюркским эмигрантам из России с начала строительства КВЖД. Однако Курбангалиев декларировал в Харбине, что «мы — русские националисты в исламе», что, естественно, не понравилось другой части тюрко-татарской эмиграции, настроенной националистически и являющимися сторонниками Гаяза Исхаки. Исхаки в это время активно занимался организацией тюрко-татарской эмиграции на националистической основе и присоединение к БРЭМу не входило в его планы.

Поэтому Исхаки написал 15 октября 1935 года письмо руководителю Японской военной миссии в Харбине г. Ямаока с просьбой не форсировать вхождение тюрко-татарской общины Маньчжурии в БРЭМ: «наше главное желание — сохранять нашу молодёжь от негативного влияния... у нас нет никакой необходимости вхождения в Бюро российских эмигрантов. В ответ на наше прежнее письмо, связанное с регистрацией тюрко-татар в Бюро, вы ответили, что нет необходимости торопить регистрацию... вследствие российского вмешательства в наши дела, наша национальная и культурная работа в Харбине была полностью приостановлена... все факты создают у нас негативное представление о Бюро» [8]. Гаяз Исхаки предложил в письме создать отдельное бюро нерусских национальностей при Японской военной миссии.

В письме в Японскую военную миссию от 21 ноября 1935 года [9] он планировал включить в состав этого бюро тюрко-татар, украинцев, евреев, грузин, армян, финнов и других представителей нерусских национальностей, эмигрировавших из России и проживающих в Маньчжурии. Главными целями бюро он видел:

1. Близкие отношения среди представителей наций, вошедших в данное бюро.
2. Бюро должно находиться вне политики.
3. Регистрация каждого члена той или иной нации должна происходить через собственную национальную организацию.
4. Каждая национальная организация должна быть свободна в осуществлении своей внутренней жизни и автономна.
5. Руководитель исполкома Бюро должен быть назначаем японской администрацией.
6. Бюро должно отвечать на запросы Японской и Маньчжурской администраций напрямую и без контроля со стороны БРЭМ.

Вполне вероятно, что эти письма оказали некоторое влияние на японскую политику в отношении нерусских народов российской эмиграции. К 1939 году все выходцы из России были объединены в составе БРЭМа, но национальные общины нерусских народов получили некоторую автономию в структуре бюро, создав комитет национальных общин. В Харбине в этот комитет вошли Харбинская еврейская духовная община (ХЕДО), Грузинское национальное общество, Армянское национальное общество, Украинская национальная колония, Тюрко-татарское национальное общество [10, с. 210; 13]. Что касается положения тюрко-татарской общины Харбина в 1939 году, она насчитывала более 500 членов, имела собственную мечеть, построенную в 1937 году, национальную школу «Гинаят».

С чем связан тот факт, что японцы не торопили тюрко-татарскую эмиграцию объединяться с русской в составе БРЭМа? Дело в том, что японское правительство рассматривало эмиграцию тюркских народов России как один из инструментов своей «мусульманской политики» (*кайкё сейсаку*) как в Северном Китае, так и в Юго-Восточной Азии. Поэтому в 1933 году для объединения на националистической идее тюрко-татарской эмиграции на Дальнем Востоке в Японию был вызван из Берлина национальный лидер эмиграции Гаяз Исхаки, а из Турции приехал панисламистский миссионер, имевший давние связи с японскими паназиянистами со времён русско-японской войны Абдурашид Ибрагимов. Если первый получил карт-бланш на организацию эмиграции на националистской основе, то Ибрагимов стал активно привлекаться к работе по организации мусульман Маньчжурии и Юго-Восточной Азии. Кстати, благодаря его деятельности в 1934 году в Японии был издан первый экземпляр Корана (не на японском языке), и стали активно создаваться исследовательские институты и факультеты исламоведения в государственных вузах.

Можно выделить два направления в деятельности тюрко-татарской эмиграции этого периода: националистическое и мусульманское. Внутренняя деятельность, самоорганизация и структура общин не регулировались Японской военной миссией в обмен на участие в мусульманской политике Японии, поэтому самостоятельная деятельность по организации тюрко-татарских общин, в том числе на идеях национализма, только приветствовалась. Сами общины также были заинтересованы в большей централизации своей деятельности, прежде всего в информационном и финансовом аспектах. В 1935 году эти задачи в целом были достигнуты.

Так, в секретном докладе Квантунской армии «Настоящее положение дел в тюрко-татарском национальном движении на Дальнем Востоке» от 1935 года говорится: «2. <...> с постепенным прогрессом

центр „Культурного общества“ был создан в Кобе и его отделения появились в разных местах Японии и Кореи... Исхаки продолжает руководить этим обществом... В середине августа 1934 года он прибыл в Маньчжурию, где в течение трёх месяцев с помощью соратников агитировал в разных частях Маньчжурии. Как результат отделения „культурного общества“ были основаны в Мукдене, Шиндзине, Харбине, Хайларе и других, и его цель была достигнута. И, следовательно в декабре 1934 года он вернулся в Японию» [1] для организации первого объединительного съезда.

Каждая тюрко-татарская община на Дальнем Востоке послала делегатов на первый объединительный конгресс, состоявшийся в Мукдене в феврале 1935 года. Однако, оппозиционные элементы были и в среде тюрко-татарской эмиграции, что отмечает и аналитическая записка для командования Квантунской армии: 1) харбинские мусульмане, которые утверждают, что «Исхаки, имея поддержку со стороны СССР, используя декларируемую цель поднять национальную культуру и движение независимости, на самом деле преследует цель социализировать религию, и, следовательно, они не позволят своим делегатам участвовать в Конгрессе, 2) группа соратников Курбангалиева, живущего в Токио, имеют принципиальные разногласия с группой соратников Исхаки и выражают негативное отношение к Конгрессу» [4]. 25 января 1935 года Курбангалиев от имени Токийской мусульманской ассоциации послал телеграмму командующему Квантунской армией, в которой докладывал, что «конгресс Идель-уральских (Волго-уральских. — У.Л.) татар, который будет проведён 4 февраля в Мукдене, преследует цель большевизировать всех дальневосточных мусульман». Несмотря на это, объединительный съезд состоялся, и центральный комитет тюрко-татар Идель-Урала на Дальнем Востоке начал работу по централизации деятельности всей дальневосточной эмиграции.

После проведения объединительного съезда, контакты с японской военной миссией в Харбине и Мукдене происходили еженедельно — вследствие цензуры номеров еженедельной газеты «Милли Байрак», выходящей с 1935 по 1945 годы, и координации деятельности.

Другая проблема, которая должна быть решена вместе с миссией, включала регистрацию эмигрантов и мобилизацию молодёжи для военизированного подразделения Асано (*Asano Butai*) с целью возможного использования в военных действиях с СССР [2]. Бывший офицер разведки в Харбине в 1930-х годах Масао Нисихара утверждал, что на юге Харбина были созданы мусульманский эскадрон в составе Белой эмиграции в Маньчжурии и секретный тренировочный лагерь для подготовки мусульманских агентов для использования на

территории Китая и вдоль границ с СССР [10, с. 230]. Он пишет в своих дневниках, что молодые тюрко-татары вошли в состав отряда Асано в 1944 году, но не принимали участие в военных действиях и в июне 1945 года были отпущены [10, с. 213–214]. Однако, член Центрального комитета тюрко-татар Идель-Урала на Дальнем Востоке, Ибрагим Девлет-Кильди на допросе в НКВД утверждал, что ничего не слышал о тренировочной базе [3].

Отношения с Японской военной миссией в Харбине были наиболее близкими в период с 1940 по 1943 годы, когда Миссию возглавлял генерал-майор Гензо Янагита. Янагита был военным атташе в Варшаве в начале 1930-х годов, где познакомился с Гаязом Исхаки. Именно он способствовал приглашению Исхаки в Японию в 1933 году. Возможно, у него были личные симпатии к тюрко-татарам, он поддерживал с ними близкие отношения. Для подготовки второго съезда тюрко-татарской эмиграции на Дальнем Востоке, который состоялся в 1941 году, Японская военная миссия предлагала финансовую помощь в организации, но Центральный Комитет отказался [4]. Тем не менее, Янагита принял участие во втором съезде, выступив с речью на его открытии⁴. Кстати, согласно резолюциям второго съезда, несмотря на регистрацию в БРЭМе, все члены тюрко-татарской эмиграции должны были зарегистрироваться заполнением специальной карточки с указанием национальной и религиозной принадлежности [2].

После того как Янагита был переведён 16 марта 1943 года на другую должность Японская военная миссия несколько охладела к деятельности тюрко-татарской общины.

Надо отметить, что особо благосклонное отношение к тюрко-татарской эмиграции установилось с времён русско-японской войны. Несомненно, серьёзным фактом для формирования благоприятного восприятия представителей тюркской национальности из России японцами стала деятельность Абдурашида Ибрагимова, панисламиста российского происхождения. В один из своих многочисленных визитов в Японию в 1908 году он стал членом неформального японского паназианистского кружка. В это время он активно предлагал японцам принять ислам в качестве государственной религии. В результате визита он стал сопровождающим первого японского хаджа Ямамото в Мекку. Ямамото был сотрудником спецслужб, работавшим в Маньчжурии и знавшим русский язык. Его миссией было не просто принять ислам, но и получить разрешение Османской империи на строительство мечети в Японии (что и было достигнуто,

⁴ Янагита был арестован советской разведкой в 1945 году и провёл часть жизни в советских лагерях.

правда, сама мечеть появилась намного позже). Кроме того, дневники путешествия Ибрагимов по Японии 1908 года были опубликованы в Турции в 1910 году и оказали огромное влияние на формирование позитивного имиджа Японии в глазах мусульманского мира (на русском языке дневники не опубликованы до сих пор). Поэтому было вполне предсказуемо, что с приходом паназиянистов к власти в Японии в начале 1930-х годов Ибрагимов пригласили из Турции и привлекли к деятельности Японской мусульманской ассоциации, которую тот и возглавил в качестве духовного лидера. Он был первым имамом соборной Токийской мечети (третьей по счёту в Японии) с 1938 года до своей смерти в 1944 году [12].

Решение мусульманского вопроса стало насущным для японской военной стратегии в Северном Китае после создания государства Маньчжоу-Го в 1932 году, поэтому в середине 1930-х годов в Японии были созданы новые академические институты: Исламская научная ассоциация (*Isuramu Gakkai*) под руководством Кодзи Окубо в 1935 году и Ассоциация исламской культуры (*Isuramu Bunka Kyōkai*) в 1937 году. В совет директоров последней вошли министр внутренних дел Рюсако Эндо, морской министр Танацугу Соса, представитель МИДа Акио Касама. Ассоциация выпустила шесть номеров журнала «Ислам и Исламская культура» (*Isuramu Kaikyō Bunka*) (с октября 1937 по январь 1939 года), после чего в феврале 1939 года вошла в состав Мусульманской ассоциации Великой Японии (*Dai-Nippon Kaikyō Kyōkai*) [5]. Сама Мусульманская ассоциация Великой Японии была создана в сентябре 1938 года, и её возглавил генерал армии Сендзиро Хаяси, бывший премьер-министр, что показывает важность задач этой организации для внешней политики Японии. В марте 1938 года при финансовой поддержке принца Йемаса Токугава был создан Институт мусульманского мира под руководством Кодзи Окубо. Вскоре он стал финансироваться Ассоциацией добрососедства (*Zenrin Kyōkai*), ставящей целью японское влияние в Маньчжурии и напрямую связанной с Квантунской армией. В мае того же года исследовательский департамент МИДа начал издавать ежеквартальный журнал «Исламские дела» (*Kaikyo Jijō*), который выходил вплоть до декабря 1941 года. Строительство Токийской мечети в 1938 году также было частично профинансировано японскими концернами (в частности, Мицубиси).

В августе 1938 года Бюро изучения экономики Восточной Азии на ЮВЖД, возглавляемое Сюмей Окава, начало издавать ежемесячник «Новая Азия» (*Shin Asia*), который не ограничивался изучением только ареала Восточной Азии. В сентябре 1938 года был создан институт Восточной Азии (*Tōa Kenkyūsho*) как исследовательский орган

департамента планирования правительства с целью «предпринять всестороннее исследование культуры и природы Восточной Азии и внести вклад в глобальную экспансию императорской Японии».

В 1939 году в университете Васеда была основана кафедра истории исламской культуры. В том же году в Токийском университете предмет «история ислама» вошёл в расписание учебных курсов, всё при содействии Кодзи Окубо. Сам Окубо преподавал основы исламской культуры в университете Васеда с 1939 по 1949 годы и в университете Комадзава с 1925 по 1941 годы⁵ [5].

Институт исламского мира поддерживал прямые связи с тюрко-татарской эмиграцией не только в Японии, но и Маньчжурии. Так, 8 октября 1938 года представитель института посетил Харбинскую общину и представил вновь созданный институт как орган, «представляющий национальную и религиозную культуру тюркских и мусульманских народов японцам» [6]. Он посетил могилу имама Харбинской общины И. Селихмета, поехал в Хайлар, и на обратном пути посетил Центральный Комитет тюрко-татарской эмиграции на Дальнем Востоке, находившийся в Мукдене, где сообщил, что директор института Кодзи Окубо открыл представительство данного института в Турции [7]. Сообщается также, что тюрко-татарская община в Мукдене приветствовала его банкетом в отеле «Ориенталь» 22 октября 1938 года [6].

Габдулхай Курбангалиев был привлечён к созданию Федерации маньчжурских мусульман намного раньше. Японское командование рассматривало эту организацию в качестве инструмента проведения японской мусульманской политики в Маньчжурии. Имам маньчжурской мусульманской общины в Мукдене Абубакир Кенжулян (Чжан), который возглавил Федерацию в 1940-е годы, был имамом Мукденской тюрко-татарской общины, работал вместе с Курбангалиевым над созданием Федерации в Харбине в 1932 году. Отмечая важность сотрудничества с Федерацией, лидер эмиграции Гаяз Исхаки писал по этому поводу следующее: «Если финансовая поддержка этой организации есть долг для мусульман Маньчжоу-Го, то подготовка имамов и учителей, а также духовная основа деятельности организа-

⁵ После окончания войны он приобрёл дом в районе Йойоги-уэхара, недалеко от Токийской мечети. Согласно близкому коллеге Окубо, тюрко-татарские эмигранты поддерживали его, так как он потерял собственный дом в годы войны и находился в бедственном финансовом положении. Именно они помогли К. Окубо приобрести новый дом в качестве признательности за дружбу и поддержку, проявляемую им до и в течение войны.

ции — долг наших эмигрантов. И восточная мусульманская культура будет интегрироваться здесь с дальневосточной»⁶.

Кульминацией мусульманской политики Японии стали 1938 и 1939 годы. В апреле 1938 года японский МИД создал специальную группу представителей разных министерств и ведомств «Комитет по делам мусульман и евреев»⁷ с целью установить основы политики в отношении мусульманских и еврейских эмигрантов в свете международной ситуации. А в мае 1938 года состоялось открытие Токійской соборной мечети. На открытии присутствовали сын йеменского монарха Эмир Сулейман Ислами Аль-Хусейн и шейх Хафиз Ваххаб из Саудовской Аравии, представители татарской эмиграции из разных уголков Восточной Азии. Следующим этапом стал Всемирный конгресс последователей ислама, прошедший в ноябре 1939 года. А в январе 1939 года парламент Японии принял решение о признании исламской религии равной трём другим официальным религиям Японии. Это был поворотный момент во внешней политике Японии с целью привлечения международного внимания.

Источники и литература

1. Архив ФСБ РФ. Ф. 109. Оп. 7. № 35. Дело 452-Р, том № 1 за 1919–1934 гг.
2. *Девлет-Кильди Ф.* Личный архив. Протокол допроса Девлет-Кильди И. 21.12.1945.
3. *Девлет-Кильди Ф.* Личный архив. Протокол допроса Девлет-Кильди И. № 13, 17.11.1946. Лефортово (Москва).
4. *Девлет-Кильди Ф.* Личный архив. Протокол допроса И. Девлет-Кильди от 24.8.1945 в Мукдене. (Из книги Дәүләт-Килде, Рокья. *Бер татар хатынының ачы язмышы*. Казан: 2005.).
5. *Итагаки Ю.* Исламоведение в 1930-е годы // Материалы симпозиума «Текущее состояние и перспективы ближневосточных исследований в нашей стране» (*Waga kuni ni okeru chūtō kenkyūshi — Waga kuni ni okeru chūtō chiiki kenkyū ni kansuru genjū to tenbō*). Токио, 1979.
6. Milli Bayraq, № 140 (41). [21.10.1938.]. Moxbir. “Xarbinda”.
7. Milli Bayraq, № 141 (42). [28.10.1938.]. “Nippon törék-islam institutı”.
8. *Гаяз Исхакый*, татарский писатель (1887–1954 гг.). Национальный архив Республики Татарстан. Личный фонд. Неразобранный фонд. Письмо Исхаки господину Майору Ямаока из штаба Квантунской Армии, Синьзин, МДГ. 15.10.1935.
9. *Гаяз Исхакый*, татарский писатель (1887–1954 гг.). Национальный архив Республики Татарстан. Личный фонд. Неразобранный фонд. Письмо Исхаки господину Майору Ямаока из штаба Квантунской Армии, Синьзин, МДГ. 21.11.1935.

⁶ *Yaņa Milli Yul.* 1933. № 3. В. 1–6.

⁷ Jewish Problem File. Diplomatic Records Office of the Japanese Ministry of Foreign Affairs. Folder 3. № 1419. 1938-04-2. (№ 51) P. 26.

10. Нисихара Масао. Полные записки Харбинского специального департамента: отдел разведки Квантунской армии (*Zenkiroku Harbin tokumu kikan: Kantōgun jōhōbu no kiseki*). Токио: Майничи, 1980.

11. Создание Мусульманской ассоциации Великой Японии (*Dai nihon kaikyō kyōkai sōritsu*) in *Islamic Information (kaikyō jiyū)*. Ministry of Foreign Affairs, Research Department. 1938. Vol. 1, No. 3. P. 21–33.

12. Усманова Л. Тюрко-татарская эмиграция в Северо-Восточной Азии // Эхо веков. Казань, 2005. № 1. С. 92–100.

13. Усманова Л.Р. «Российские эмигранты всех национальностей сохраняют свой быт и религию в Маньчжурской империи» (По страницам русскоязычной эмигрантской прессы) // Эхо веков. Казань, 2008. № 1. С. 57–62.

*L.R. Usmanova**

Relations between Japanese mission and national minorities of Russian emigration in Manchuria (turk-tatar community case study)

ABSTRACT: The paper analyzes two letters of the turk-tatar emigrants' leader to the Japanese Mission in Manchuria. The aim of the letters is to establish a special department for non-Russian emigrants in Manchuria outside the BREM. It is clearly shown the nationalist trend in the development of turk-tatar emigrant community in 1930s. The special attention of Japanese Mission towards turk-tatar communities on the Far East can be explained by its important role in the Japanese Islamic policy (*kaikyo seisaku*) in the South-East Asia.

KEYWORDS: Russian emigration in Manchuria, national communities, turk-tatars, Japanese Mission in Manchuria, Japanese Islamic policy, Department for Russian emigrants (BREM).

* Usmanova Larisa Rafaelevna, PhD in Sociology, Philosophy Department of the Russian State University for Humanities, Moscow, Russia; E-mail: ousmanoval@gmail.com